

Линь Цзяэр не успел опомниться, как мужчина пришел в себя и с холодным видом отстранил его.

Цзяэр наблюдал, как тот поспешно выпрямился, убирая голову, которой только что ластился к его ладони, и вернулся в прежнюю чинную позу. Гость всем видом демонстрировал ледяное безразличие, его аура оставалась безупречной, но зоркий Цзяэр все же успел заметить, как мочки ушей незнакомца едва заметно порозовели. Румянец был мимолетным и почти сразу сошел на нет.

— Не подходи ко мне так близко, — раздался низкий, бархатистый голос, не терпящий возражений.

Цзяэр послушно отступил на пару шагов. В голове у него до сих пор все путалось. Столь внезапный, пугающе естественный и в то же время странный жест... Сейчас, прокручивая его в памяти, он ловил себя на мысли, что в случившемся не было ни капли фальши. Словно они проделывали это сотни раз. Но ведь они едва знакомы! Невероятная нелепица.

Ладонь все еще помнила чужое тепло. Почему-то казалось, что кожа мужчины должна быть мягче, нежнее... Цзяэр невольно шевельнул пальцами, ловя себя на диком желании коснуться его вновь, чтобы проверить эту догадку. Испугавшись собственных мыслей, он отступил еще на два шага, отчаянно вытряхивая наваждение из головы.

— Ах да, совсем забыл представиться. Меня зовут Линь Цзяэр. А тебя? — поспешил он нарушить затянувшееся молчание.

—... Линь Мо, — после паузы ответил Мо Линьюань, слегка прищурившись.

После череды столь удобных совпадений он наотрез отказывался верить, что этот юноша не знает, кто он такой. Все началось два года назад с их якобы «случайного» знакомства, а закончилось вчерашним происшествием, которое Цзяэр со смехом называл недоразумением. Нет, этот парень явно замешан. Линьюань повидал немало тех, кто лез вон из кожи, лишь бы втереться к нему в доверие. Приемы Цзяэра изяществом не отличались, но он умудрился нащупать единственную слабость — впутать в это Бельши.

Вчерашние события до сих пор стояли перед глазами: наглые ладони, ощупывавшие его тело, разбитая голова... Каждая деталь вопила о вероломстве этого прохвоста. К тому же прямо сейчас от парня отчетливо пахло Бельшом. Подобный густой шлейф мог остаться только после долгого и близкого общения. Именно поэтому Линьюань потерял бдительность и поддался порыву — точь-в-точь как минувшей ночью.

«Поглядим, чего ты добиваешься, — подумал он. — А должок я запишу. Рассчитаемся, когда отыщу кота».

Решено: он останется здесь и присмотрится к человеку, который ухитрился обойти толпы

хитроумных заговорщиков и которого он сам когда-то едва не считал искренним другом.

Подавив внутреннюю злость, Мо Линьюань указал пальцем на собственный лоб и холодно спросил:

— И как ты намерен это компенсировать?

Линь Цзяэр и не подозревал, какую паутину заговоров соткал в своем воображении гость. Проследив за его изящным жестом, он уставился на лиловый синяк, красующийся на холеном лице. Чувство вины мгновенно затопило душу, и Цзяэр пробормотал упавшим голосом:

— И... чего бы тебе хотелось в качестве компенсации?

Вместо того чтобы выдвинуть конкретные требования, мужчина вдруг спросил о вещах совершенно посторонних:

— Ты живешь один?

Цзяэр недоуменно моргнул, но ответил честно:

— Ну да, один.

В его голове не укладывалось, как состав жильцов связан с разбитым лбом. Логика этого парня становилась все более загадочной.

— Вот как. Чуть не забыл сказать: кажется, из-за удара у меня начались провалы в памяти, — невозмутимо произнес гость. — Так что пока я поживу у тебя. Буду зализывать раны.

На последних словах он сделал особый акцент, красноречиво напоминая хозяину квартиры, кто именно виноват в его увечьях.

«Подождите... Неужели я приложил его настолько сильно, что отшиб память?»

Цзяэр во все глаза разглядывал мужчину, который вальяжно устроился на его скромном диване. Пиджак гостя со вчерашнего дня висел на вешалке, и сейчас тот остался в светлой однотонной рубашке. Ткань выглядела невероятно дорогой, а необычный крой воротника и манжет выгодно подчеркивал атлетическую фигуру и стать. Даже пуговицы — изящные, с мягким перламутровым отливом — выдавали вещь баснословной стоимости.

Цзяэр шумно сглотнул, чувствуя себя нищим перед этим величественным монументом. Он опустил взгляд на свои поношенные пляжные шорты и копеечные резиновые сланцы, из которых сиротливо торчали пальцы ног. В голове тревожным набатом забили два слова:

«Не прокормлю!»

Никогда еще собственный внешний вид не казался ему настолько убогим. А ведь в студенческие годы он в таком прикиде гонял мяч на баскетбольной площадке, и девчонки визжали от восторга! Куда все делось?

Вглядываясь в бесстрастное лицо незваного гостя, Цзяэр робко поинтересовался:

— И что, совсем ничего не помнишь? Даже где твой дом?

Мужчина явно не бедствовал, но Цзяэра не покидало ощущение, что перед ним разыгрывают чистой воды фарс. Будто этот богач с самым серьезным видом пытается развести его на деньги.

И ведь не на пустом месте родилось это подозрение: секунду назад у Линь Мо едва заметно дрогнул кончик брови. Первой мыслью было: «Врет!» Но Цзяэр тут же мысленно обругал себя за недоверчивость. Может, он просто подсознательно ищет лазейку, лишь бы не платить за лечение? Фу таким быть. Да и глупо это — человеку с его достатком незачем опускаться до шантажа и ютиться в крошечной съемной квартирке. У Цзяэра и брать-то нечего.

— Может... все-таки съездим в больницу? Обследуемся?

Ответом ему было гробовое молчание.

«Надо будет расспросить его при первой же возможности», — решил он про себя.

Поняв, что спорить бесполезно, Цзяэр вздохнул и сдался. Силу своего удара он представлял отлично — убить не убил бы, но сотрясение обеспечить мог. С другой стороны, вдруг это странное поведение вызвано тем средством, что подсыпал его сообщник? Надо во всем разобраться.

— Раз уж ты остаешься, мне нужно навести порядок, — примирительно сказал Цзяэр.

С комнатой проблем не предвиделось: еще вчера он застелил в гостевой свежее белье. Из-за врожденной брезгливости Цзяэр терпеть не мог чужих запахов на постели, поэтому всегда держал про запас несколько новых комплектов. Настоящая беда крылась в другом — у гостя не было с собой ровным счетом ничего из вещей.

— Давай попозже сходим в магазин и купим все необходимое? — предложил он, уже предчувствуя головную боль. Будучи законченным домоседом, Цзяэр терпеть не мог шопинг.

— С этим можно не спешить, — отозвался Мо Линьюань и, выдержав паузу, как бы между прочим добавил: — Прежде чем мы обустроимся, я бы хотел прояснить пару деталей. Чисто из соображений личного удобства.

— Без проблем, спрашивай, — Цзяэр уселся на противоположный край дивана, непроизвольно поджав под себя ноги, отчего из-под коротких шорт показались бледные, стройные бедра.

Линьюань мазнул по ним взглядом и почувствовал легкое, едва уловимое смущение. В голове шевельнулось смутное подозрение. Он посмотрел на Цзяэра пристальнее, маскируя неловкость за напускной холодностью.

— Готовить умеешь?

— Э-э... нет, — выдавил Цзяэр, мгновенно напрягшись.

«Только не говори, что ждешь от меня кулинарных шедевров!» — в панике подумал он.

Кулинар из него был аховый, настоящее стихийное бедствие для любой посуды. Ван Хао под страхом смерти запрещал ему приближаться к плите ближе чем на метр.

— А шить?

— Чего? Тоже нет. А ты что, умеешь? — Цзяэр окончательно растерялся. Ладно еще готовка, но шитье-то откуда всплыло?

Мужчина лишь снисходительно хмыкнул, словно гордясь каким-то скрытым талантом, и задал следующий вопрос:

— Скажи... ты когда-нибудь держал кошек?

На слове «кошек» его голос странно дрогнул. Цзяэру на секунду показалось, что гость требует выдать ему кота под угрозой расправы.

Решив, что у него разыгралось воображение, он глянул на посерьезневшего собеседника и ответил как есть:

— Не-а. Из питомцев у меня только хомяк. Я вообще не очень люблю делить жилье с кошками. Собственно, эту квартиру я снял именно потому, что во всем жилом комплексе строго-настрого запрещено держать кошек и собак. На мелочь вроде хомяков или попугаев администрация еще закрывает глаза, а вот на крупных зверей — табу.

Дело было не в страхе. На самом деле Цзяэр прекрасно понимал кошачий язык и мог с ними общаться, но причина его нежелания контактировать с усатыми-полосатыми была слишком деликатной, чтобы делиться ею с едва знакомым человеком.

— Понятно, — обронил Линьюань.

Для него эти объяснения прозвучали как неуклюжая попытка замести следы. Его Белыйш, пусть и принадлежал к кошачьему роду, на дух не переносил сородичей. Все сходилось: лучшего убежища для своенравного питомца и не придумаешь.

Вот только этот парень, судя по всему, был абсолютно бесполезным: ни лакомство кошачье приготовить не сумеет, ни красивый воротничок сшить, да и одевался из рук вон плохо. С какой стати гордый, могущественный Белыйш привязался к такому недотепе? И ладно бы просто привязался, так ведь еще и помог ему заманить в ловушку собственного хозяина!

Линьюань уставился на мягкие, забавно взъерошенные волосы Цзяэра. Вспомнив, что тот профессионально занимается созданием игрушек для животных, он невольно помрачнел, и вокруг него вновь повеяло ощутимым холодом.

Цзяэр зябко передернул плечами — в комнате словно разом заработал кондиционер на полную мощность. Он потер предплечья и поднял глаза на гостя. На мгновение ему показалось, что во взгляде Линь Мо промелькнула самая настоящая, первобытная ярость. Впрочем, она тут же растаяла, и Цзяэр решил, что ему просто померещилось от усталости.

Так, после этой довольно странной беседы, началась их совместная жизнь.

Ночью взошла полная луна.

Холодный серебристый свет лился сквозь панорамное окно, омывая спящего юношу. Линь Цзяэр казался совсем юным, почти подростком. В призрачном сиянии его тонкие, изящные черты лица словно светились изнутри, окутанные дымкой таинственности.

Ночной ветер шевельнул тяжелые занавеси, на мгновение преградив путь лунным лучам. Комната погрузилась в зыбкий полумрак. Когда же порыв утих и шторы вернулись на место, картина преобразилась.

Если бы кто-то сейчас вошел в спальню, он бы замер от удивления: юноша бесследно исчез. На смятой постели осталась лишь гора пустых одеял да просторная пижама.

Тишину нарушил едва слышный шорох. Одеяло зашевелилось, и наружу показалась крохотная пушистая макушка. Существо осторожно огляделось по сторонам и, убедившись, что ему ничто не угрожает, выпустило сначала одну лапку, а за ней и вторую. Вскоре на покрывало выбрался диковинный зверек размером не больше ладони. Его шерстка лоснилась и отливала шелком, а за спиной плавно покачивались два непомерно длинных хвоста.

Зверек замер, явно наслаждаясь лунной прохладой. Его пушистые хвосты лениво выписывали в воздухе замысловатые узоры. Вдруг янтарные кошачьи глаза вспыхнули потусторонним блеском. Почуввав нечто манящее, кроха бесшумной тенью скользнул прочь из комнаты.

В соседней спальне, прямо у изголовья спящего мужчины, сооткался мягкий силуэт. Словно боясь потревожить чужой покой, зверек двигался с ювелирной осторожностью; его хвосты покачивались едва заметно, не издавая ни шороха, не вызывая ни малейшего колебания воздуха. Крошечный гость медленно приблизился к лицу Мо Линьюаня. Оказавшись в паре сантиметров от его щеки, он смешно зашевелил носом и усами, втягивая воздух, словно проверял какую-то догадку. Наконец, определившись, зверек высунул розовый язычок и нежно лизнул мужчину в правую щеку.

Мо Линьюаню снова снился один и тот же навязчивый сон.

Бездонный, пугающий рот, лишенный почти всех зубов — кроме двух острых, похожих на клыки резцов по бокам. Эта пасть медленно, но неотвратно приближалась к нему. Во сне Линьюань метался, безуспешно пытаясь вырваться из невидимых оков, пока зубы не впились мертвой хваткой ему в щеку. И тогда он, как и в далеком детстве, горько и безутешно плакал...

Он резко открыл глаза. Все повторилось в точности: фантомный укус оборвал ночное видение.

Линьюань не терпел постороннего света во время сна, поэтому в спальне царил абсолютный мрак. Нашупав выключатель, он нажал на кнопку. Раздался тихий щелчок, и комнату залило мягкое, приглушенное сияние ночника. Мужчина поднес ладонь к лицу; длинные, изящные пальцы отбросили причудливую тень на его мужественные черты, на мгновение сделав его облик загадочным и зловещим.

Прошлого больше двадцати лет. Почему же дурацкий случай из четырехлетнего возраста до сих пор преследует его?

«Конечно, это позорное пятно на моей биографии, — думал он, уставившись в потолок. — Но я никогда не отличался злопамятностью. С чего бы мне нянчить обиду за детскую потасовку столько лет?»

Память четырехлетнего ребенка — ненадежная штука, и даже Мо Линьюань не мог детально воссоздать события того дня. Но стоило ему окончательно выкинуть тот случай из головы, как проклятый сон возвращался, словно издеваясь и требуя помнить.

Он не видел этого кошмара уже много лет. Однако стоило ему переступить порог квартиры Цзяэра, как ночные визиты беззубой челюсти стали регулярными.

Линьюань отчаянно недосыпал. Раньше он отдал бы все, лишь бы разыскать того паршивца и проучить как следует. Но теперь... К своему величайшему удивлению, последние два дня он просыпался в превосходном расположении духа и ловил себя на мысли, что ждет следующей ночи с затаенным предвкушением.

В противоположном крыле квартиры Линь Цзяэр потянулся и с улыбкой открыл глаза. Еще бы не радоваться: несколько ночей подряд он видел во сне свою обожаемую Маленькую принцессу

и даже умудрялся целовать ее! Подобные грезы заряжали его бодростью на весь день.

Напевая под нос, он распахнул дверь своей спальни. В то же мгновение щелкнул замок напротив.

— Доброе утро, Линь Мо, — дружелюбно поздоровался Цзяэр.

Взгляд его невольно соскользнул на правую щеку соседа, и кончик языка машинально мазнул по губам.

Линьюань застыл. Щеку вдруг обожгло знакомым, до безумия реальным покалыванием — точь-в-точь как во сне. Он порывисто потер лицо ладонью и уставился на хозяина квартиры. В этот миг черты лица улыбающегося Цзяэра непостижимым образом наложились в его сознании на образ того самого наглого мальчишки из далекого детства.

Под этим тяжелым, лишенным всяких эмоций взором Цзяэр почувствовал, как по спине побежали мурашки, и испуганно попятился назад.

<http://bllate.org/book/18337/1797136>